

ГЕМА МАГИСА

Михаил Попов

ОПИСАНИЕ древняго славенскаго языческаго БАСНОСЛОВИЯ

Salamandra P.V.V.
MMX

GEMMA MAGICA
Материалы и исследования по истории
магии и оккультизма
IV

Salamandra P.V.V.

Михаил Попов

ОПИСАНИЕ

древняго славенскаго языческаго
БАСНОСЛОВИЯ,
собранныго из разных писателей,
и снабденнаго примечаниями

Salamandra P.V.V.

Попов М.И.

Описание древняго славенскаго языческаго баснословия, собраннаго из разных писателей, и снабденнаго примечаниями. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2010. – 80 с., илл. – PDF. – (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. IV).

«Описание древняго славенскаго языческаго баснословия» (1768) одаренного писателя, поэта и переводчика М. И. Попова стало одним из первых сочинений, ре/конструировавших мифологический пантеон, демонологию и народную магию древних славян. С XVIII в. этот важный источник оставался труднодоступен для широкого читателя.

Книга печатается по первому изданию 1768 г. В приложениях приведена рецензия на собрание сочинений Попова из журнала Н. И. Новикова «Санктпетербургские ученые ведомости», статья о месте писателя среди ранних интерпретаторов славянского «баснословия» и биографическая справка. Книга иллюстрирована гравюрами из первого издания сочинения А. С. Кайсарова «Опыт славянской мифологии» (1804).

© Salamandra P.V.V., оформление, справка, состав, послесловие, 2010

ПРЕДЪВЕДОМЛЕНИЕ

Суеверство и многобожие древних Славян столь же было пространно, сколько у Греков и Римлян: и естлиб древний наш век изобиловал прилежными писателями, то бы мы ныне увидели такоеж множество книг, как и у них, о Славенских божествах, празднествах, обрядах, пророчествах, гаданиях, предзнаменованях и о прочих их произшествиях.

Впрочем мы еще не совсем лишены об оном сведения: вникнем только прилежнее в дела до сего касающияся, то найдем еще в повествованиях внешних и домашних писателей, в простонародных скасках, песнях, играх и обыкновениях довольныя того остатки, и не вовсе истребленную память.

Увидим разного рода и качества Богов и Богинь, добрых и злых, благодетельствующих и губящих, увеселяющих и ужасающих; усмотрим их празднества, прорицания, обряды и роды; найдем воды обоженные, гады обоготворенныя, леса освященныя и разныя закона их действия и произхождения.

Начнем прежде о роде их Божеств. Сколько тогдашние наши праотцы в глубине невеждения и во тме язычества погружены ни были, при всем том еще сохраняли врожденное в их души познание о величестве неисповедимаго Творца вселенныя, и признавали его властителем всего мира. Но мало-осиянные правоверием их умы мечтали, что сей всемирный создатель оставил над землею низшим Богам надзираение; и от сея то заразы впали они в глубокий мрак идолопочитания.

Возмнили производителем грома, молнии и других воздушных произшествий Перуна: дали ему власть над всем Небом, и почли его начальнейшим своим Богом; другой степень Божества отдали Волосу, Богу скотов; третий Купалу, Богу всяких прозябений, и так далее. Напоследок умножили их до безчисленнаго количества: всяким добродетелям и порокам, благополучиям и несчастиям, качествам и недостаткам определили особое Божество: изваяли им истуканы, соорудили храмы и божницы, воздвигли жертвенники, уставили празднества и жертвы, приставили к ним жрецов и священно служителей, и определили иждивение на украшение их и храмов оных.

Корыстолюбивые жрецы прияв во власть свою народные умы, вовлекли их в пущую мглу невежества: дали Идолам своим над человеками

неограниченную власть помощи и пагубы, и живота и смерти: возвеличили их к большому заблуждению и притязанию сердец честию прорицания: установили разные гадания, предзнаменования и приметы; и подвергли потом народ без избавления под власть свою; и от служения в храмах возложили область свою и над обществом народным. И оттоля повсюду жреческая власть простерлась.

Не делаются уже инако расправы, как по священным уставам Жрецов; не предпринимается война, как по предзнаменованиям гадательства; одним словом везде истуканы и жрецы повелителями явились.

Все стало обоженно: человеки (или лутче сказать нечувственные болваны из дерева и камня,) леса, рощи, ключи, реки, озера и самые гады.

По всем странам пространного Славенского владения воздвигнулись Идолы, храмы и жертвенники: инде священные огни горели неугасимо, и за неумышленное угашение оных отсекалась жреческая голова; там приходили со трепетом к освященному озеру для почерпания из онаго воды, и из безчисленной его рыбы не осмеливались поймать ни единой; в других местах возгремели пророчества устами прельщающих жрецов, и привлекали в бесчестной обман безчисленное множество

храбрых Славян, побежденных суеверием. Реки Дунай, Буг и множество других получили обожение; вредящая змеи снискали честь домашних Богов и не получали себе вреда, как с отнятием живота у вредителя. Священные леса равномерно проливали кровь дровосеков. Словом куда бы ни простер ногу свою во времена оныя, везде бы наступил на языческую святость. Вот до какова безумия доходит иногда человеческое заблуждение!

Сколько же наносило сие вреда непобедимым Славянам! В какое погружало их утеснение и напасти! Власть отнималась у народа жрецами: корысти его похищались в сокровище мнимых их Богов (или лучше сказать в сундуки жадных жрецов;) благоверные несчастные Христиане, пленялись для сожжения наиплачевнейшим образом в жертву мерских чудовищей, десятая часть плодов, произращенная потом и трудами народа, отнималась на бесполезное всеожжение, согрешившие мало противу беззаконных и глупых их обрядов погублялись мучительно; страх и язычество обымало всех, и все жрецам покарялось.

Но не вся еще тут окончилась их прелесть и глупость. Для уведания судеб, обавающие жрецы, кидали на воздух деревянные кружки, с одной стороны белые, а с другой черные: из образа их падения выводили благоуспешность и погибель;

летавшая разнообразно птицы предвозвещали им благополучие и несчастье; прыгание лошади определяло войну и мир; крик животных, их встреча, движение пламени и дыма, течение воды и разные виды пены ея и струй, и другия безчисленные приметы предзнаменовали мнимое событие дел глупых и прельщенных людей. Везде тогда находилась святость, повсюду предвещание, и по всем местам кровожаждущий простирался грех.

Наконец, по четверократном начинании в Славянах Христианския веры, святыи и равноапостольный Князь Владимир, прозвавшийся во крещений Василием, обновил паки в России святую Христову веру: разрушил храмы, опроверг жертвенники, обнажил Идолов от драгоценных их утварей, расторг уды их огнем и железом, и разсеял прах оных по воздуху, а иных поверг во глубину Днепрову и Волхову. Везде тогда идолослужение оставлялось, и низлагалось; а святая Христова церковь возстановлялась и возвышалась: неверные исчезали, а крестящиеся во правоверие умножились: повсюду возсиявал истинный закон: и Славенороссия погрязшая древле во тме идолослужения вознеслася над всеми славою Христовою, неизменным содержанием его веры, и чудесами Святых своих и Апостол.

И ныне толико уже утвердилася Россия в истинном Христовом законе, что смотрит с презрением на все дерские вихри заблуждений, стремящиеся поколебать ее здание, утвержденное на камени православия. Следовательно и самыя претыкания могут ей послужить в большее утверждение и славу.

И так и сие собрание языческих Славенских Богов не может ей быть теперь противно; потому что оно послужит ей лишь к вящему прославлению, изъясняя чувственно глупую и смеха достойную языческую прелесть; а любящим наши древности подаст может быть некоторую забаву. Сии то причины и были для меня ободрением трудиться в сем издании; и естли по счастью моему заслужу оным от благоразумных читателей хотя малое благоволение, то почту себя довольно награжденным за труд мой.

При том за потребное признаю уведомить читателя, что материя составляющая сию книгу выбрана мною из Славенороссийскаго древняго летописца, из Российской истории покойнаго господина Ломоносова, из историографии о начале происхождения Славенскаго народа Г. Мавроурбина Архимандрита Рагужскаго, из некоторых рукописных Российских летописцов, из простонародных сказок, песен, и игр и оставшихся некоторых обыкновений.

Признаюсь при сем, что я много может быть упустил достойнова примечания, и в извинение мое ничего более предложить не имею, кроме малаго моего сведения, и перьваго в сем деле труда. Но при недостатке сем одним тем утешаюсь, что искуснейшим подам может быть сим воображение привестъ сие вещество в лутчее совершенство; и притом прошу общество извинить благосклоннее мои ошибки, несумненно находящияся в сем описании, чем побудит оно меня тщательнее трудиться впредь в пользу и увеселение онаго.

ОПИСАНИЕ ДРЕВНЯГО СЛАВЕНСКАГО ЯЗЫЧЕСКАГО БАСНОСЛОВИЯ

Алане, древний славенский народ. Оный не имел ни храмов, ни жрецов, ниже Богов; но выняв саблю из ножен, и воткнув ее в землю, поклонялся ей, яко богу Арею, котораго почитал всех тех мест правителем, в коих имел войну. Некоторые из онаго народа предсказывали будущее, по складываний и разбираний в определенное время прутиков, с наговариваниями и торжественными обрядами. Повествуют о сих людях много чудеснаго и чрезъестественнаго; но я онаго не внес сюда, усмотря оное весьма неимоверным.

БҮГ, река.

Сия река, по повествованию Господина Ломоносова, была обоготворяема от славенских Язычников. К священной ея воде, и другим ей подобным, приходили со трепетом, черпали воду с

постоянным лицом; боялись в нее плюнуть, или инако каким либо образом ничево не стоящим ее осквернить.

БЕЛБОГ, или БЕЛЫЙ БОГ.

Божество Славян Варяжских и Ахронских. Некоторые назвали его Бельцебубом; но однако сие неправильно. Кровавой его образ покрывался множеством мух; и как видно, то мухи означали его питателем тварей. Сего почитали они добрым Богом, так как Чернобога злым; жертвовали ему и подобным оному веселием, играми и радостными пированиями. Надобно догадываться, что он был тоже у Славян, что значил Зороастров Оромас.

БЕЛЫЙ БОГ. см. БЕЛБОГ.

ВЕДЕС. см. ВОЛОС.

Cicco

ВОЛОС или ВЕЛЕС.

Славенский Бог, покровительствующий и начальствующий над скотами. Его считали на втором степени по Перуне. Имел божницу в Киеве, и по многим городам Славенским.

ВОЛОТЫ.

Сии страшилища то же значили у Славян, что у Греков Гиганты, и получали жертвы.

ВОЛХВ или ВОЛХОВЕЦ.

Сын князя Славена, создавшего город Славенск. Древние наши писатели придавали ему знание чародейства и силу волхвования. Новгородский летописец объявляет об нем, что он на берегу реки, именем Мутной, прозванной по нем Волховым, построил городок, и разбойничал по сей реке превращаяся в Крокодила, и производя многия чудесныя действия силою своего волхвования. По чему сочли его некоторые тогдашние Язычники Богом; но на конец, повествует тот же летописец, задавили его черти. Почитатели его погребли онаго на бе-

регу Волхова, отправили ему великолепную Тризну, а над могилой ево, по тогдашнему обычаю, насыпали бугор, которой по том провалился, и ямины тоя и поднесь, сказывают, видны еще остатки.

ГАДАНИЯ.

У Славян их премножество в употреблении находилось, из которых упомяну я о тех, которые мне показались достойнейшими примечания. Перьвое гадательство у них было, метание в верх деревянных кружков, с одной стороны белых, а с другой черных. Когда брошенные кружки ложились белою стороною в верх, то знаменовало сие доброе предвозвещание, когда же упали белым в низ, а на верх чорным, то предзнаменовало худое дел следствие; а кождаж оные ложились розно, то есть, один кружок белою, а другой чорною стороною, то оно означало посредственное счастье. Другое Гадание производилось конем Святовидовым, о чем ниже объявлено. Третье Гадание происходило из оборотов летающих птиц; четвертое заключалось из крика животных, и из встречи оных; пятое выводили из движения пламени и дыма; шестое узнавали по течению воды, и по разным видам струй ея и пены; седьмое располагали по

складке и разбору ивовых прутьев, как о том уже выше упомянуто; и множество других находились в употреблении у суевренных оных народов.

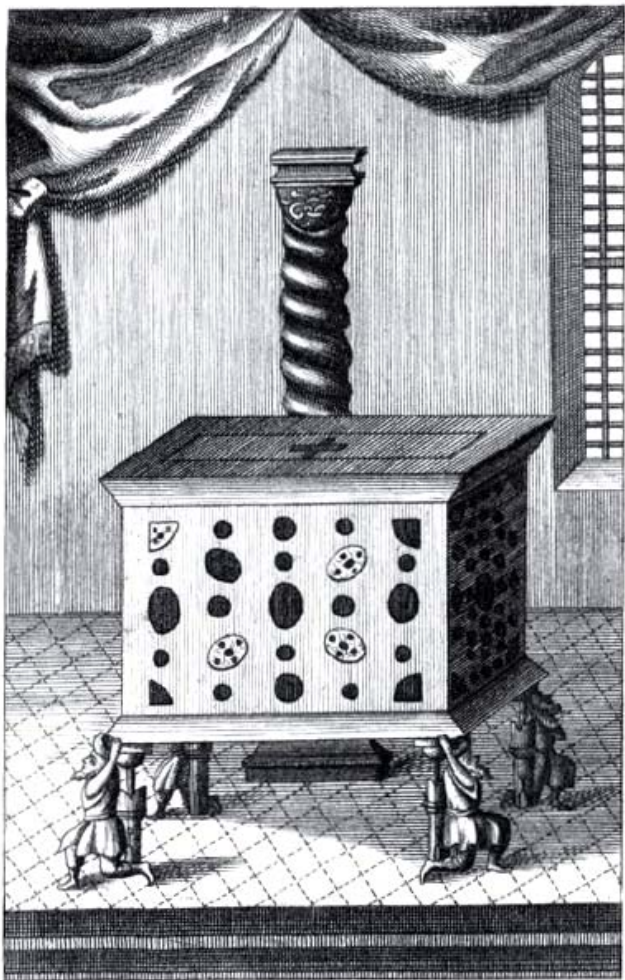
ДАЖБОГ. см. ДАШУБА.

ДАШУБА или ДАЖБОГ.

Славенский Бог, почитавшейся в Киеве, и имевшей там храм. По догадке, имя его означает онаго Богом подателем благ, от коего ожидали себе молебники счастья: по чему чаятельно можно почесть его Богом богатств.

ДИДИЛИЯ.

Под сим названием обожалася у некоторых Славян Илиффия, которую молили неплодородныя женщины о плодородии детей. Некоторые почитают ее за Ладу; однакож сие не правильно, что ея и должность доказывает.

Vol. 1. p. 100.

Crodos Altar.

ДИД или ДИДО.

Киевский Божок; думать надобно, что и он, так как Леля, почитался сыном Ладиным, и значил то же у Славян, что означает у Греков Антерот, по тому что в некоторой старинной песне есть и пример означающей свойство брата его Леля, и его таким образом: *ДИДО Калина, Леля малина*; хотя в испорченных песнях и поют: *Лелю калина, ладо малина*.

ДОГОДА.

Славенский зефир, котораго признавали Богом производителем тихаго и приятнаго ветра, и ясной погоды.

ДОМОВЫЕ.

Сии мечтательные полубоги у Древних назывались Гениями, у Славян Защитителями мест и домов; а у нынешних суеверных простаков почитаются домашними чертями.

ДОН.

Сия река равномерно была обожаема от древних Славян, и получала от них поклонение и жертвы.

ДЕТИНЕЦ.

Так назывался Новгород по разорении первой раз Славенска. Имя сие получил он, как повествует о том некоторый новгородский летописец, от ниже описанного приключения: когда сей толь славный в древности город намерялись Славяне по разорении первоначального Славенска заложить тогда их народоначальники собравшись делали совет, на чем оный основать, и какое дать ему название. В то время некто из старейшин предложил собранию, чтоб на утрие, при восходе солнечном, выслать на путь нарочно избранных, и кто им первой во стречу попадетя, тот будет служить и основанием и именем городу. Совет сей собрание подтвердило, и определило по оному исполнить. И так принеши жертву и обеты Богам, отправили совершителей сего намерения. Оные возвратясь на другой день к собранному градоначальству, представили пред него мальчика, котораго они первее всего встретили.

Народона начальники, по древнему своему языческому обыкновению, приказали его положить началом основания городскаго; а город наименовали от него Детинцем, ибо в старину детина назывался детинцем, которое имя и ныне по некоторым местам употребляют.

ЗИМЦЕРЛА.

Богиня Киевская; какія ей качества приписывались, о том ничево неизвестно; разве изломанное ея название произвести от имени зима и глагола стерть, так назовется она Зимстерлюю, и будет походить на Аврору, или Флору, Богиню цветов.

ЗМЄИ.

Сим пресмыкающимся придавали иные Славяне чин и честь Пенатов, или домашних Богов: жертвовали им молоком и яйцами; не позволяли им наносить никакого вреда; а в противном случае наказывали жестоко, а не редко и жизни лишали преступников запрещенія.

ЗНИЧ.

Священный неугасимый огонь. По многим городам имели Славяне его храмы; жертвовали ему частию из полученных у неприятеля корыстей, и плененными христианами. В болезнях тяжких имели к нему прибежище; а корыстолюбивые его жрецы обманывали народ, сказывая ответы болящим, о которых уверяли, что получали их вдохновением сего божества.

ЗОЛОТАЯ БАБА.

Богиня некоторых Славян. Надобно думать, что она считалась у них матерью Богов, так как у Еллинов Исида. Храм ея стоял при реке Обиго; * в руках она держала младенца, коего называли ея внукою. Истукан ея окружали многия музыкальня орудия, от которых происходил великой шум во храме. В стране той почиталась она Пророчицею, и давала ответы (непреренно устами хитрых жрецов). Никто не осмеливался пройти мимо ея без принесения ей какой либо жертвы; а естли ничего не имел, то вырвав из платья своего волос, подносил ей оный кла-

* По суеврному их много-божию думать надобно, что и сия река имела от них обожение.

няяся ей в землю, и тем тщился ее умили-
вить.

Рисунъ 1809. — Шведск.

Толстая баба.

ЗЕВАНА или ЗЕВОНΙΑ.

Богиня славенская. Под сим наименованием почиталась у некоторых Славян Артемида, коей молились о счастливых звероловительствах. Имя ея кажется происходит от Зевса, которое ей наложено, как его дочери.

ЗЕВОНΙΑ. см. ЗЕВАНА.

КИКИМОРА.

Ночное славенское божество. Качество его во всем уподоблялося Морфееву, котораго Древние почитали Богом сонных мечтаний. Славенской же Кикимора представлялся наипаче страшным привидением, или пугалищем ночным.

КОЛЯДА.

Сего Киевскаго Бога признают некоторые Богом мира, так как Римляне своего Яна. В Киеве праздник его совершался двадцать

четвертаго декабря в играх, веселиях, и пиروваниях, чему и донныне по некоторым деревням остатки находятся в играх плясках и песнях, в которых имя его припевают.

КОРША или ХОРГ.

Хотя неведомо, какую силу и действия приписывали ему наши Праотцы, но в прочем по имени его можно, кажется признать онова Эскулапием, или Богом болезней, что доказывает его и название, происходящее от слова корчить.

КУПАЛО.

Киевский Бог плодов, третий по Перуне. В начале жатвы приносили ему Киевляне жертву, в день праздника его, бывшего двадцать четвертаго июня. Юноши и девицы собиралися в венках и препоясаниях некоея травы, либо цветов; и расклавши огонь бралися за руки и вокруг онова плясали, перескакивая через него и припевая в песнях своих по часту имя Купалово. Празднества сего и по ныне в некоторых играх остались следы.

ЛАДА или ЛАДО.

Славная Богиня Киевская, подобаящаяся во всем Венере. Славяне признавали ее Богиней браков и веселия любовнаго. Каждые сочетающиеся браком приносили ей жертву, надеясь оною снискать от нее счастливое себе супружество. Имя ея происходит от глагола ладить. Имела себе великолепной храм в Киеве, и по другим славянороссийским городам.

ЛАДО. см. ЛАДА.

ЛЕДА.

Под сим именем почитали некоторые Славяне Бога войны. Имя его произведено кажется, от слова лед, или леденеть.

ЛЕЛЯ или ЛЕЛЬЮ.

Сын Ладин, нежный божок воспаления любовнаго. Видно по всему, что он возбуждал любовь, так как брат его Дид отвращал, о чем уже и выше упомянуто; а в доказательство сего

во всех старинных любовных песнях имена их положены по свойству оных, как и матери их Лады.

ЛЕЛЮ. см. ЛЕЛЯ.

ЛЕСА. см. РОЩИ.

ЛЕШИЕ.

Сии мнимыя пугалища почитались у Славян лесными Богами, которых чин имели у прочих язычников Сатиры. Об них и по ныне в черни носится баснь, что они с верху до половины тела имеют стан человеческий, с козьими на голове рогами, ушами и бороною, а от пояса простираются у них козлиныя ноги. Когда они ходят между травою, то умаляются в подобие оной; а когда бегают по лесам, тогда сравниваются высотой с оными, и кричат при том преужасно. Ходящих по лесу людей обходят кругом, чем затмевая у них память принуждают заблуждать до ночи, и после уносят их в свои жилища.

**МАКОШ, или МОКОШ,
либо МОКОСА.**

Киевский бог, о котором я никакова не нашел известия.

МАРЦАНА.

Сие славенское божество почиталось от некоторых наших древних однородцев богинею жатвы, которая свойство имела у Еллинов Димитра.

**МОКОСА тоже, что и МАКОШ.
МОКОШ один с МОКОСЛОМ.**

НИЯ.

Сего Славяне признавали подземным Богом, коего место занимал у древних Плутон царь адский.

ОСЛАД. см. УСЛАД.

ПЕРУН.

Началнейший славенский Бог. Онаго почитали тогда производителем всех небесных происшествий и действ: как то грома, молнии, облаков дождя и прочаго; при том же нарицали его строителем громостреляния. Когда еще св. Князь Владимир был помрачен тьмою идолослужения, тогда воздвиг сему истукану в Киеве и других многих городах божницы, и протчим языческим божествам, что было в лето бытия мира 6488 е. Последуя чему дядя его, именем Добрыня, поставленной от него в Новгороде наместником, сооружил тогда премножество кумирниц в своем округе, и принуждал силою находящихся между язычниками Христиан поклоняться и жертвовать истуканам. В Киеве же храм Перунов стоял вне дворца княжескаго, над Буричовым потоком, на высоком холме. Стан его был искусно вырезан из негниющего дерева, голову имел серебряную, усы и уши золотыя, ноги железныя, в руках держал камень наподобие пылающия молнии, придававшейся от древних Юпитеру, рубинами (то есть червчатými яхонтами,) и Карбункулем, (или Лалом) украшенную. Священный огонь горел пред сим Кумиром непрестанно; и когда случался оному по небрежению жреческому

угасать, то сжигали онаго жреца, как врага Божескаго. В жертву приносили ему не токмо волов и пленников, но и едиnorodных детей своих; и также имели инья обычай, обрив голову и бороду свою жертвовать ему своими волосами. Инде посвящали ему леса и рощи, в которых запрещалося рубить под казнию. Имя его Перун значит на древнем Славенском языке гром, которое ему дано как производителю онаго. Напоследок, когда Св. Великий Князь Владимир приял Христианский закон, тогда приказал сего начальнаго болвана привязать к конскому хвосту, и притом повелел двенатцати воинам бить его палками, и так вовлечь в Днепр, запретя притом даже до порогов не допускать его к берегу. Но за порогами извергнула его быстрина реки на подошву горы, которая от того прозвалася онаго именем. Но когда по Владимирову же приказу, повествует тот же летописец, поступали равномерно и с Новгородским Перуном, тогда чорт, находившейся в оном, не возмогши стерпеть поругания, вскричал: *горе мне впадшему в руки жестоких и коварных людей, которые вчера почитали меня как Бога, а теперь надо мною так ругаются:* потом когда бросили идола

сего с моста в воду, то поплыл он в верх реки, и выбросил на мост палицу, вскричав при том преужасно: *Вот что вам Новогорожане в память мою оставляю!*

ПОЗВИЗД или ПОХВИСТ.

Славенский Эол, котораго древние признавали Богом бурливых ветров; а у Киевлян почитался он Богом воздуха, ведра и ненастья; имел храм на поле в Киеве, и по другим Славенским городам.

ПОЛЁЛЯ.

Славенский Именей, сын ладин. Должность и свойство онаго означает самое его имя: Полёля, то есть, следующей по Леле; ибо брак всегда следует за любовью. Он и его порода почитались наидревнейшими Славенскими божествами; из чего ясно означается сила и преимущество природы. Несумненно по достоинству своему имел и он у себя не мало божниц в Славенских городах.

ПОЛКАН.

Сей есть Славенский Кентавр. В старинных наших скасках описывают его с верьху до половины человеком, а от пояса в низ конем либо псом. Что также доказывает и господин Тредиakovский в примечаниях своих на Аргениду. Силу ему приписывали чрезвычайную, и так же весьма прыткое бегание.

ПОХВИСТ. см. ПОЗВИЗД.

ПРОВЕ или ПРОНО.

Божество Вендских и Померанских Славян, живших при Варяжском море. Сей Бог у них считался на втором степене по Святовиде, начальном их Божестве; стоял на высоком дубе, около коего разставлено было до тысячи Идолов с двумя, с тремя лицами и более. Перед Проном же стоял Олтарь для приношения ему жертвы.

ПРОНО. см. ПРОВЕ.

FROM TESSÉL & CO'S WORKS

Pradogast.

РАДЕГАСТ.

Идол сих же Варягов. Держал на груди щит с изображенною воловьею головою; в левой руке копьё, на шлеме петуха с распростертыми крылами. Сей Бог почитался у них защитником города. Сему болвану и Прону приносили нередко в жертву Христиан плененных; при заклании оных прикушивал жрец их крови: от чего надеялись получать ему больше силы и действия к предсказанию. По скончании жертвоприношения начинался жертвенный пир с музыкою и плясанием.

РОЩИ.

Леса и рощи у Славян в некоторых местах были посвящены их Богам; а иныя и совсем обоготворялись. Не позволялось в оных ловить ни птиц, ни зверей, ни также рубить дерев, под страхом потеряния за то живота.

РУСАЛКИ.

Славенския Нимфы. Их почитали богинями вод и лесов; может быть находился их не один род, так как у Греков. Славяне поклонялися им

и приносили жертвы. В простонародии и поныне носится об них таковая баснь, что будто видають их иногда при берегах озер и рек моющихся, и чешущих зеленые свои волосы; а иных качающихся на деревьях. Как видно то его древних предрассуждений еще зараза.

СВЕДОВИТ, СВЯТОВИД и также СВЯТОВИЧ.

Бог Солнца и войны. Почитался и имел храм на острове Ругене, в Славенском городе Ахроне. Каждый год Ахронские жители, как мужи так и жены, приносили в храм подати по пенязю. Истукан Святовидов был преогромной величины, сотворен из дерева крепкаго, о четырех лицах, наподобие фонаря, так что от всякия страны образ его видим был: Может быть ето значило четыре времени года. Идол сей был без бороды, с завитыми кудрями, по употреблению славян ругянских; в левой руке имеющ лук, а в правой рог из металла; на бедре висел у него превеликой меч в серебряных ножнах; в стороне висели седло и узда коня его величины чрезвычайной. Сей кумир стоял посреде каплицы, стоявша на середине храма, завешен от всех сторон красными и великолепными завесами. Один только брадатый жрец,

которой именем святовидовым давал народу ответы, в годовый день праздника входил в капищу удерживая дыхание; а когда хотел отдохнуть, то выбегал к дверям Капищца, и выставя голову дышал бояся осквернить Божество дыханием смертных. Сей священник наполнял кумиров рог вином, с долгими и торжественными обрядами, и так оставлял до другога года. Сему Святовиду посвящен был белый конь, у котораго из гривы и из хвоста не позволялося ни единого выдернуть волоса, ниже сесть на него кроме жреца; ибо народ верил, что Святович ездил на нем побеждать их неприятелей. Во уверение чего предлагали, что когда оставляли лошадь сию в конюшне вычищенну и привязанну к яслям, то находили оную часто на утро вспотевшу и замаранну, так как будто бы кто ездил на ней в дальний путь. От путешествия сего предвещали счастливый и худой конец ратям своим. Во время приношения жертвы изъявляли Святовиду превеликое почитание. По скончании жатвы собирався весь народ пред его капище, для провождения великаго праздника, для коего на жертву били множество скота, и притом для знатнаго идольскаго пированья за день перед праздником должен был сам жрец, прежде жертвоприношения и служения, чисто выместь в кумирнице. В следующий день празднества,

Ficus Fasces Cinctura

Svetovid.

перед собранием всего народа перед дверьми храма, взяв жрец из руки идольской рог с вином, коим он за год наполнен был, прорицал о плодородии года. Ибо ежели вина в роге не много убыло, то почиталось оное признаком плодородия; а в противном случае плодоносия не надеялись. По сем выливал священник вино из рога перед ногами Святовидовыми, и наполнял потом оный новым; пил за его здоровье, и просил, что бы людям и отечеству подал изобилие, богатство и победу над неприятелями. Выпивши же из рога вино наполнял его снова и вставлял идолу в руку. А для бранного гадательства втыкали стоймя перед храмом шесть копей подва в ряд, одно подле другова на равном расстоянии, и ко всякой двойне привязывали копье поперег так высоко, как можно коню без прыганья перешагнуть. Потом жрец по прочтении долгих и торжественных молитв, взяв с великими обрядами коня за узду, переводил ево через три поперечныя копя: и ежели конь переступал все три правою ногою без помешательства с левою, то почитали оное за доброе предзнаменование предприемлемыя войны; а естли же он переступая копя мешался, то признавали за худое предвозвещание. По сему

конскому скаканию начиналася война, или отлагалась. По окончании жертвы, приносили великий круглый пирог зделанный из муста, (или меда и муки,) в середине коего мог уместиться человек. В оный вшедши жрец, спрашивал великим гласом предстоящих людей, видят ли его? все ответствуют нет. Тогда священник обратясь к идолу молил его, чтоб в предбудущий год хотя мало кто его увидяли. Посем благословлял народ именем Святовидовым, увещавал его к прилежному жертвоприношению, за что в воздаяние обещевал победу на врагов по морю и по суху. После сего препровождался весь тот день в ядении и питии; и за стыд почитали, ежели кто тогда не напивался до пьяна. Иногда болвану сему приносили в жертву и плененных Христиан, коих посадя на коня во всей их збруе, привязывали лошадь ногами к четырем сваям, и под приставленные с обеих сторон костры дров положив огонь, сожигали живых коня и всадника. О сих несчастных сожженниках утверждал жрец, что Святовид кровию их весьма услаждается. Из всех полученных корыстей давалась Святовичу третья часть; кроме сего определяли еще ему для почести с его стороны на брань триста всадников, и оных всю добычу вручали его жрецу, которой полагал ее в Святовидово сокровище, откуда не позволялося уже ни малейшая вы-

нять части. Потом в 350 году, Вагдемар Король Датский взявши Ахрон разрушил все храмы; а Святовидов Истукан приказал разсечь на части, и после сожечь.

СВЯТОВИД. *Тоже что и СВЕТОВИД.*

СВЯТОВИЧ. *см. СВЯТОВИД.*

СЕМАРГА. *см. СИМАЕРГА.*

СИВА. *см. СИВА.*

СИВА *или СИВА.*

Но правильнее всего Сева, происходящее имя от глагола сеять. Сива была богиня славян варяжских. Изображалась нагою женою: волосы ея висели позади до подколенок; в правой руке держала яблоко, а в левой гроздь. По сим приметам была она у Славян на месте Помоны, богини садов.

Siva.

СИЛЬНЫЙ БОГ, или КРЕПКИЙ БОГ.

Так называли древние славяне некоторый истукан, которой имел Образ человеческий; в правой руке держал копьцо, в левой серебряный шар; а при ногах его лежали человеческая и львиная голова.

СИМАЕРГЛА или СЕМАРГЛ.

Божество Киевское, имевшее там божницу. Более об нем ничево не известно.

СТРИБА или СТРИБОВ.

И сей Бог имел у Киевлян капище; а что значил, о том нет известия.

СТРИБОВ. Один со СТРИБОМ.

СТҮДЕНЕЦ.

Священное озеро, бывшее в густом лесу на острове Рутене, обоженное онаго жителями. Оное

весьма изобиловало рыбою, коея однако не дерзали ловить, из почтения к мнимой его святости. Подобно ему обожалися многие ключи, реки и озера: из рек славнейшими почитались Дунай и Буг. Водам сим Славяне поклонялися, приносили жертвы, торжественныя их обряды отправляли купанием, а нередко и утоплением людей.

СЄВА.

Точное имя Сивы, ибо старинное мягкое произношение переменяло букву Е в И.

ТРИГЛА. см. ТРИГЛАВА.

ТРИГЛАВА или ТРИГЛА.

Славянская Диана, получившая сие имя от треглаваго своего истукана. Имела капище на полях Киевских, потому что власть ея на полях простиралась.

ТРИЗНА.

По Российски значит поминовение усопших.
О обрядах сего случая не нашел я известия.

ТҮР.

Чин его и качество такими же признавались
от Киевлян, какия имел у Еллинов Приап.

ҮСЛАД или ОСЛАД.

Божество Киевское. Имя его означает оное
Богом пиршеств и роскоши; следственно качеством своим уподоблялся он греческому Кому богу пиршеств.

ХОРГ. см. КОРША.

ЦАРЬ МОРСКИЙ.

Сим именем назывался у славян Бог обладатель вод, которой у Римлян именовался Нептуном.

ЧЕРНОБОГ или ЧОРНЫЙ БОГ.

Сего признавали Славяне злым божеством, и приносили, и ему подобным, жертву кровавую и печальное моление, и также страшные заклѣтия. По сим изображениям сходствует он с Персидским Ариманием.

ЧЕРНЫЙ БОГ. см. ЧЕРНОБОГ.

ЧУДО МОРСКОЕ.

Сие было подначально Царю Морскому. Некоторые уподобляют его Тритону, и приписывают ему онаго должность. А у нас и поныне осталася об нем присловица: *Чудо морское, страшилище людское: ни рак, ни рыба; морская гадина.* Видно по сему что он в чудном виде представлялся.

ЧУР.

Славенский бог межей. Онаго признавали начальником и хранителем полей и пашен. По сему сравнивается он с Римским богом Термином.

ЯГЯЯ БАБА.

Сие страшилище описывает суеверие страшною, сухощавою и огромною бабою, на подобие остова, с костяными ногами, держащею в руке железную палицу, которою она действует понуждая катиться железную свою махину, в коей она разъезжает. По таким приметам можно думать, что она у Славян имела должность Беллоны, или какой ужасной Адской богини.

Михаил Попов и сотворение древнеславянской мифологии

«Наш добрый Михайло Иванович Попов, коллежский регистратор или что-нибудь подобное, сочинитель при уложении» - пишет о Попове в черновых тетрадах М. Н. Муравьев. «Верное изображение французских литераторов: беден, прост, добросердечен, трудолюбив и забыт»¹.

Трудолюбец Попов и впрямь остался в тени своих современников, друзей и литературных соратников – Н. И. Новикова и М. Д. Чулкова. Тем не менее, этот купеческий сын, литератор из лицедеев, чей малый рост вызывал насмешки современников, оказался во многом «первым среди равных». Его книга «Песни, сочиненные Михаилом Поповым» (1765, 2-е изд. 1768) стала первым в истории русской поэзии авторским песенником². Его «Анюта»

¹ Цит. по: Западов А. В. «Попов». *История русской литературы в 10 т.* М.-Л., 1941-1956. Т. IV. Ч. 2. С. 283.

² Гусев В. Е. «Михайло Попов – поэт-песенник». *Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры: К 70-летию со дня рождения члена-корреспондента Академии наук СССР П.Н.Беркова.* М.- Л., 1966. С. 132.

(1772) стала первой русской комической оперой на народно-крестьянскую тему и первой русской пьесой, поставленной за границей. Наконец, «Описание древнего славянского языческого баснословия» (1768) стало первой монографией, где делалась попытка общей реконструкции древнеславянских религиозных верований и «баснословия», то есть мифологии.

Подобные опыты предпринимались и ранее: начало им положили В. Н. Татищев в «Истории российской с самых древнейших времен» (1768-1848) и М. В. Ломоносов в «Древней российской истории от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года» (1766). В своих реконструкциях они опирались на весьма ограниченный свод летописей, а также на античных авторов, европейских хронистов, некоторых русских церковных писателей и западных историков, в том числе Мавро Орбини (Мауроурбина или Мавроурбина, как называли его русские авторы XVIII в.), М. Стрыйковского и других¹. В 1767 г.

¹ См. Шахнович М.М. *Очерки по истории религиоведения*. СПб., 2006.

был издан «Краткий мифологический лексикон» Чулкова (перепечатанный в сокращенном варианте два года спустя в журнале «И то, и се»); в книге его толковались фигуры славянской мифологии, понятия античной истории и персонажи египетских, греческих и римских мифов.

Ранние интерпретаторы древнеславянской мифологии наподобие Ломоносова, Попова и Чулкова сталкивались с трудностями, знакомыми и новейшим исследователям: даже такой энтузиаст, как Б. А. Рыбаков, вынужден был в свое время признать, что «по существу мы из общей суммы славянских и иноземных источников можем почерпнуть лишь перечень имен славянских богов и богинь ... Мы далеко не всегда знаем функции этих богов, степень распространенности их культов»¹.

Крайняя скудость исторических сведений и практическое отсутствие мифологических и мифоэпических текстов заставляли интерпретаторов XVIII в. не просто реконструировать, но и конструировать, домысливать и изобретать. «Самый большой миф славянской мифологии - это сама славянская мифология. С того момента, как к ней стали проявлять сколько-

¹ Рыбаков Б. А. *Язычество древних славян*. М., 1994. С. 355.

нибудь последовательный интерес, и по наше время количество додуманного, непонятого или откровенно вымышленного превысило объем доподлинно известного на порядок» - справедливо указывает А. Мороз¹. При этом, славянская мифология моделировалась и по сей день нередко продолжает выстраиваться в согласии не только с научными, но и идеологическими или политическими взглядами создателей тех либо иных моделей, становясь полем жестоких духовных баталий.

Уже у Ломоносова, наряду с инерцией «привычной схемы античной мифологии», о которой писал Ю. М. Лотман², отчетливо видна идеологическая подоплека традиционного сближения славянского и греко-римского пантеонов (проводившегося у европейских авторов, в Густынской летописи и т.д.). Для Ломоносова подобное сближение становится доказательством пышной древности русского народа, возраставшего на традициях схожего с античным «баснословия», что превращало

¹ Мороз Андрей. «Кого купает Купала». *Русский журнал*, 7 июля 2003. http://old.russ.ru/krug/20030707_am.html (здесь и далее все ссылки верны на июнь 2010 г.).

² Лотман Ю. М. «"Слово о полку Игореве" и литературная традиция XVIII — начала XIX в.». *Слово о полку Игореве — памятник XII века*. М.-Л., 1962. С. 371.

его в равного соучастника европейских историко-культурных процессов.

«Не мало имеем свидетельств, что в России толь великой тьмы невежества не было, какую представляют многие внешние писатели. Инако рассуждать принуждены будут, снесши своих и наших предков, и сличив происхождение, поступки, обычаи и склонности народов между собою» - пишет Ломоносов¹. В разветвленном языческом пантеоне, точнейшим образом соотнесенном с древнегреческим и римским прототипами, Ломоносов и его последователи видят подтверждение «величества и могущества Славенскаго племени ... за многие веки до раззорения Трои»² и необходимую основу подлинной национальной истории. «У молодой российской империи создается своя античность, своя прекрасная и таинственная древность» - замечает по этому поводу К. Денисевич. «Ведомые идеей создания российской истории, авторы буквально творят славянское язычество, и делают это по

¹ *Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года, сочиненная Михайлом Ломоносовым.* СПб., 1766. С. 2.

² *Там же*, с. 12-13.

античному образцу»¹. Поэтому у Ломоносова Перун обретает черты «Зевеса древних наших предков», а Погвизд или Похвист «Еола Российского», Лада приравнивается к Венере, Дидо и Лель к купидонам, Коляда рисуется двойником Януса, Купало тою же Церерой и Помоней. «Древнее многобожие в России сходствующее с Греческим и Римским подтверждается еще, сверх письменных известий, другими примечаниями» - пишет Ломоносов. «Что значат известныя в скасках Полканы, из человека и коня сложенные, как <не> Греческих центавров? не Гиганты ли Волоты? не Нимфы ли в кустах и при ручьях сельскою простотою мнимыя русалки? Не соответствует ли Царь морской Нептуну, чуды его Тритонам? Чур поставленному на меже между пашнями Термину?»².

¹ Денисевич Ксения. «Реконструкции славянского мифологического пантеона в XVIII веке». *Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика*. <http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/KD1.htm>

² Ломоносов. *Древняя российская история*, с. 98-101. Ломоносов, видимо, «предполагал свести воедино все разрозненные сведения по русской мифологии и установить их соответствие с античной; в ... черновых заметках сохранился и опыт таких соответствий; Юнона – коляда; Нептун – царь морской; Венера – Лада; Купидо

Попов, следуя за Ломоносовым (чьи описания он зачастую воспроизводит слово в слово), в первых же строках своей книги уверяет, что «суеверство и многобожие древних Славян столь же было пространно, сколько у Греков и Римлян: и еслиб древний наш век изобиловал прилежными писателями, то бы мы ныне увидели такоеж множество книг, как и у них, о Славенских божествах, празднествах, обрядах, пророчествах, гаданиях, предзнаменованиях и о прочих их произшествиях». Любопытно, что Попов (в целом не столь идеологизированный, как некоторые другие мифологи-мифотворцы XVIII-нач. XIX вв.) рисует крайне неприглядную картину славянского языческого мира, погрязшего во мраке суеверного «безумия», где правят корыстолюбивые и безжалостные служители идолов и повсюду «истуканы и жрецы повелителями явились». В этих просветительских по форме инвективах Попова ощутима искренняя вера и слышны отзвуки христианского церковно-обличительного пафоса.

– Лель; Церера – полудница; Плутон – черт; Марс – Полкан; Прозерпина – чертовка; нимфы – русалки; фавны – лешие; пенаты – домовые» (Азадовский М.К. *История русской фольклористики*. М., 1958. С. 89).

В книге Попова, как и у Ломоносова или Чулкова, встречаются не только летописные божества «киевского пантеона» Владимира, но и различные сказочные и демонологические существа наподобие лешего, схожего по описанию с сатиром, и домовых («сии мечтательные полубоги у Древних назывались гениями»). Есть и разнообразные Услады, Зимцерлы и Лели, восходящие к неверно понятым песенным рефренам или обрядам, домыслам европейских историков и заблуждениям М. Орбини и С. Герберштейна¹; традиционно смешиваются ареалы бытования божеств и т.п. В расширенной версии своего труда, вошедшей в сборник «Досуги» (1772), Попов попытался исправить некоторые огрехи; эти изменения подробно прослежены М. К. Азадовским:

Второе издание носит следы значительной обработки и во многих случаях – критической проверки своих источников. Так, например, в издании 1768 г. имеется Услад или Ослад – «бог пиршеств»; в новом издании это имя уже отсутствует. В первом издании имелось слово «тризна», но никаких сведений «об обрядах сего

¹ Берков П. Н. «Ломоносов и фольклор». М. В. Ломоносов. Сборник статей и материалов. М.-Л., 1946. Т. II. С. 123-124.

случая» не было, ибо они были неизвестны составителю, как он сам счел нужным оговорить; во втором издании имеется подробное описание. К словам «царь морской» сделано в новом издании добавление со ссылкой на мнение Ломоносова, который сопоставлял царя русских сказаний с Нептуном. Краткое сведение о Световиде разрослось в издании 1772 г. в обширную главу, составленную по новым данным, извлеченным из новейших немецких сочинений о славянской мифологии, и т.д. Считать, что Попов изобретал сам какие-либо божества, как принято утверждать, мне кажется, нет никаких оснований, и все его ошибки и наивности являются результатом состояния его источников.

Некоторые слова свидетельствуют о непосредственном знании Поповым памятников устного народного творчества: к слову «Яга-баба» в новом издании прибавлено: «у наших рассказчиков есть об ней и приговорка в следующих разностопных стихах:

Баба-яга,
Костяная нога:
В ступе едет,
Пестом погоняет,
След помелом замечает».

В главу о Купале (Попов его рассматривал как «киевского бога плодов») внесено следующее замечание: «святая Агриппина, по мнению некоторых, прозвана от простонародия купальницей,

по древнему сему идолу, ибо и ее память тогда же празднуется»¹.

Впрочем, в предисловии к новому изданию Попов открыто признавался: «Сие сочинение сделано больше для увеселения читателей, нежели для важных исторических справок, и больше для стихотворцев, нежели для историков»². Это уточнение не помешало его творению оказать глубочайшее влияние на последующие интерпретации славянской мифологии и их художественные воплощения. В 1782 г. в Петербурге выходит в свет «Словарь русских суеверий» Чулкова, в расширенном

¹ Азадовский М.К. *История русской фольклористики*. С.79-80. Отметим, что и в дополнении о Купале Попов близко к тексту цитирует Ломоносова: «святая Агриппина, которой тогда память празднуется, по древнему идолу проименована от простонародия Купальницею» (Ломоносов, *op. cit.*, с. 99).

² *Досуги, или Собрание сочинений и переводов Михайла Попова*. Ч. 1-2. СПб., 1772. Ч. 1. С. 185. Сочинение Попова было здесь озаглавлено *Краткое описание Древняго Славенскаго языческаго Баснословия, собранного из разных Писателей, снабденнаго примечаниями, и в азбучный порядок приведеннаго. Издание второе, с поправлением и умножением перваго*.

московском издании 1786 г. названный «Абевега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шеманства и проч., сочиненная М. Ч.». В сравнении с книгой Попова то был объемистый труд, включивший этнографические сведения о многих и не только славянских народах империи, однако в части «баснословия» Чулков в значительной мере перепевал Попова. Возможно, этот факт послужил причиной размолвки между писателями¹.

Неточности и выдумки, вкравшиеся в сочинения Попова и Чулкова, безусловно объясняются состоянием современного им религиоведения и этнографии. И. З. Серман находит еще одно извинительное обстоятельство: оба автора, пишет он, вдохновлялись интересами «литературы, а не науки» и в основном стремились «создать для русской литературы отечественный мифологический арсенал взамен общеупотребительной греко-римской мифологии»². И литература охотно

¹ М. К. Азадовский (*там же*, с. 80), упоминая об этих слухах, не находит прямых свидетельств «соперничества и вражды на почве недобросовестности Чулкова».

² Серман И.З. «М.И. Попов: Биографическая справка». *Поэты XVIII века: В 2 т.* Л., 1972. Т. 1. С. 521.

воспользовалась этим арсеналом: на изыскания Попова опирается А. Н. Радищев («Песни, петые на состязаниях в честь древним Славянским божествам»), М. М. Херасков («Владимир»), А. Х. Востоков («Певислад и Зора», «Светлана и Мстислав»), Г. Р. Державин («Пролог аллегорический на рождение в Севере порфирородного отрока, почерпнутый из древнего варяго-русского баснословия», «Добрыня, театральное представление с музыкою», «Царь-девица»), частично и сам Попов в волшебно-рыцарском романе «Славенские древности, или Приключения славенских князей» (1770-1771)¹ и т.д. Среди последователей Попова, таким образом – видные участники «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» и недолго просуществовавшего «Дружеского литературного общества» (как например А. С. Кайсаров, о котором речь

¹ Переиздан в 1778 и 1794 гг. под названием *Старинные диковинки, или удивительные приключения славенских князей, содержащие историю храброго Светлосана; Вельдюзя, полотского князя; Прекрасной Милославы, славенской княжны; Видостана, индийского царя; Остана, древлянского князя; Липокся, скифа; Руса, Бориполка, Левсила и страшного чародея Карачуна.*

ниже), предромантики и сторонники национальной литературы, «напитанной русской оригинальностью», по выражению А. И. Тургенева.

Переведенная к концу XVIII в. на французский и немецкий языки, книга Попова стала для ученых Западной Европы и славянских стран одним из основных источников при изучении древнерусской мифологии. На ней основывались мифологические разделы сочинения состоявшего на русской службе шотландского врача и историка Матвея (Мэтью) Гатри, изданного на французском в Петербурге в 1795 г.¹ и шеститомника также некогда состоявшего на русской службе Николая Гавриила (Николаса Габриэля) Леклерка «Физическая, моральная, гражданская и политическая история древней и нынешней России», вышедшего в Париже в 1783-1794 гг. Последнее сочинение было сочтено в России клеветническим – последовал инспирированный Екатериной II через Г. А.

¹Guthrie Mattieu. *Dissertations sur les antiquités de Russie; contenant L'ancienne Mythologie, les Rites païens, les Fêtes sacrées, les Jeux ou Ludi, les Oracles, l'ancienne Musique... des Russes; comparés avec les mêmes objets chez les Anciens, and particulièrement chez les Grecs.* Saint-Petersbourg, 1795. Азадовский, *op. cit.*, с. 108-111.

Потемкина и изданный на средства двора ответ И. Н. Болтина «Примечания на историю древней и нынешней России Леклерка» (1788), проникнутый патриотическим духом, и известная полемика с участием кн. М. М. Щербатова.

К началу XIX в., если воспользоваться словами Азадовского, «создание национальной мифологии» окончательно стало «одним из звеньев общего патриотического дела». «У россиянина в девятнадцатом веке нет еще совсем российской истории!» - восклицает Кайсаров. «Но он получит ее, получит под правлением кроткого Александра»¹. Именно с таких позиций этот литератор, профессор Дерптского университета, националист и предтеча славянофилов резко атакует Попова и Леклерка в своей книге «*Versuch einer slavischer Mythologie in alphabetischer Ordnung*» («Опыт славянской мифологии в азбучном порядке»), изданной в Геттингене в 1804 г.².

¹ Kayssarow Andrey von. *Versuch einer slavischer Mythologie in alphabetischer Ordnung*. Göttingen, 1804. С. 10.

² Организатор походной типографии в период Отечественной войны 1812 г., Кайсаров погиб в 1813 г., будучи офицером партизанского отряда. См. о нем Лотман Ю. М., *Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени*. Тарту, 1958.

Собственно мифологический словарь Кайсаров предваряет некоторой попыткой систематизации теогонии, храмов и древнеславянских религиозных празднеств, вводит в пантеон множество имен сказочных героев, а также дает обзор источников (отсутствием которого попрекает Попова). «Хотя в двух печатных листах, однакож в нем находилось довольно пустого» - пишет Кайсаров о труде Попова. «Как ни ошибочна и несовершенна книга сия; но она была так счастлива, что заслужила удивление Леклерка, который от слова до слова списал ее в своей «Российской истории». Кайсаров не жалеет гневных фраз: «Басня, которую нам г. Попов рассказывает», «Попов, а за ним и верный писатель его Леклерк» и т.д.¹.

Поразительно, что в то же время сам Кайсаров с готовностью списывает у Попова, принимает его этимологические толкования (к примеру, имени Дажбог), иногда повторяет Попова дословно. «Разве изломанное ея название произвезть от имени зима и глагола

Русский перевод книги Кайсарова под названием *Славянская и российская мифология* издавался в Москве в 1807 и 1810 гг.

¹ Kayssarow, Andrey von. *Versuch einer slavischer Mythologie*, с. 26-27, 46, 49.

стерть, так назовется она Зимстерлюю» - читаем у Попова; «имя ее, говорят, составлено из слов «зима и стереть», вторит Кайсаров, который заимствует у Попова даже стихок о Бабе-Яге. Весьма характерно и то обстоятельство, что работам Чулкова, многое взявшего у Попова, Кайсаров уделяет лишь проходную фразу. Подобная избирательная враждебность Кайсарова, видимо, объясняется тем, что Попов был едва ли не единственным интерпретатором мифов XVIII в., изображавшим славянский языческий мир в чрезвычайно мрачных красках. С этим никак не мог согласиться Кайсаров: там, где Попов видел лишь темноту и суеверие, он прозревал «высшую силу и крепость нации» и «чистоту нравов» простого народа¹, ратовал за постепенное освобождение крестьян и «мечтал о том времени, когда освобожденная от крепостничества Россия возглавит движение угнетенных славян к свободе и единству»².

¹ Лотман Ю. М. *Там же*, с. 718-719.

² Лотман Ю. М. «"Слово о полку Игореве" и литературная традиция XVIII — начала XIX в.». *Слово о полку Игореве — памятник XII века*. М.-Л., 1962. С. 369.

Широко и часто дословно цитировал Попова и Г. А. Глинка, автор изданной в 1804 г. в Митаве «Древней религии славян». В этой книге Глинка, предшественник Кайсарова в Дерптском университете, классифицировал древнеславянских богов по родам – среди них были «выспренние, преисподние, земные и водные»; к ним прибавлялись духи, «полубоги или богатыри», «озера обоженные» и реки, господствовало же над всеми «Существо Все-могущее Всесотворяющее ... словом, Бог Богов», который проявлялся в различных ипостасях. В противоположность Попову, однако, Глинка всемерно старался доказать разумность и естественность древнеславянских верований: «К чистоте рассудка славянского народа может отнестись то, что их вера, из многих языческих (не говорю всех) есть чистейшая. Ибо их боги суть естественные действия, благотворением своим имеющие на человека влияние». Далее он высказывал мысль о происхождении кельтской и греческой мифологий от древнеславянской: «Славяне жили в соседстве и с теми и с другими, и станется, в своих мечтаниях подражали и тем и другим, а может быть и подлинниками в оном обоим были». Не пренебрегал Глинка и откровенным вымыслом: «Описывая произведение фантазии и мечтательности, я думаю,

что не погрешу, если при встречающихся пустотах и недостатках в ее произведениях, буду наполнять собственною под древнюю статью фантазиею»¹. Немудрено, что книга его, пусть и вышедшая в первые годы XIX века, осталась в истории последним памятником мифотворчества века восемнадцатого. Итог этому мифотворчеству подвел Н. М. Карамзин, заметивший в «Пантеоне российских авторов» (1802)², что Попов «любил русские древности и сочинил описание славянского богослужения, которое Левек перевел и выдал за историческое, не зная, что оно не имеет никакой достоверности: ибо религия российских славян в самом деле нам неизвестна. Нестор не говорит об ней почти ни слова. В деревнях наших сохранились сказки о *леших* и *русалках*; в припеве старых песен слышим имена *Дидо*, *Ладо* — и более ничего не знаем. Так по крайней мере скажет историк, который умеет отличить истины от басен».

N.N.

¹ Глинка Григорий. «Древняя религия славян». *Мифы древних славян*. Саратов, 1993. С. 90-94.

² Карамзин Е. М. «Пантеон российских авторов». *Избранные сочинения в двух томах*. М.-Л., 1964. Т. 2. С. 172.

Приложение I

М. И. Попов Биографическая справка

Михаил Иванович Попов (1742 — ок. 1790) происходил из семьи ярославского купца. Со второй половины 1750-х годов он служил актером в петербургском Придворном театре, исполняя роли комических персонажей; первые документированные сведения о его работе в театре, однако, относятся к 1764 г. Приблизительно с 1760 г. Попов занимался также переводами немецких и французских комедий для нужд театра, в 1765 г. опубликовал переводы комедий «Недоверчивый» И.-Ф. Кронека и «Девкалион и Пирра» Ж.-Ф. Пуллена де Сен-Фуа, а также собственные «Песни», первый в истории русской поэзии авторский песенник.

В том же знаменательном 1765 г. Попов оставил театр и поступил в Московский университет. Вскоре он познакомился с Н. И. Новиковым, напечатавшим книгу «Две повести: Аристоноевы приключения и Рождение людей Промифеевых» (1766) с переводами мифологических романов Ф. Фенелона и А.-Г. Менье де Керлон. Для Попова то был первый опыт прозаического перевода.

Дружеские отношения с Новиковым продолжались в Комиссии нового Уложения, где Попов служил с 1767 г. в качестве помощника «сочинителя» (делопроизводителя) частной комиссии «О разборе родов государственных жителей» кн. Ф. Козловского. Благодаря службе в Комиссии, где трудились многие литераторы, Попов существенно расширил круг своих литературных связей. Хотя деятельность Комиссии была приостановлена в декабре 1768 г., частная комиссия, при которой служил Попов, продолжала работу. В 1769 г. Попов получил чин коллежского регистратора, низший в табели о рангах.

Вернувшись в составе комиссии в Петербург, Попов начал сотрудничать с сатирическими журналами; его произведения печатались в «И то и се» М. Д. Чулкова, «Ни то ни се» В. Г. Рубана, некоторое время сотрудничал он и в «Трутне» Новикова.

В «И то и се» Попов напечатал сатирические стихи, стихотворение «Сон» и т.д. Кроме того, вместе с Чулковым Попов работал над несохранившимся словарем русского языка, написал для его комедии «Как хочешь назови» песенку и слова для хора, а общий их интерес к истории и русской мифологии вылился у Попова в «Описание славенского языческого баснословия» (1768) и популярный сказочно-рыцарский роман «Славенские древности, или Приключения славенских князей» (1770-1771), эхо чулковского «Пересмешника» (переизданный в 1778 и 1794 гг. под названием

«Старинные диковинки...»). В этом романе Попов широко использовал мотивы волшебных сказок и рыцарских романов Западной Европы.

В 1772 г. на средства Кабинета был издан сборник Попова «Досуги, или Собрание сочинений и переводов», включивший стихотворения, прозаический перевод части трактата о драматургии К.-Ж. Дора «На феатральное возглашение» и комическую оперу Попова «Анюта», представленную придворными певчими в Царском Селе 26 августа 1772 г. «Анюта» стала первой русской комической оперой, первой русской пьесой, поставленной за границей (в русском посольстве в Константинополе) и первой оперой на крестьянскую тему; имена Анюты и ее жениха Филата с тех пор стали традиционными в комической опере.

Несмотря на эти успехи, Попов с 1772 г. совершенно оставил самостоятельную литературную работу; вся его позднейшая деятельность в литературе сводится к переводам. Он публикует прозаическое переложение «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо (по французскому переводу Ж.-Б. Мирабо), выдержавшее два издания в 1772 и 1787 гг., переводы «Вадиных сказок» Вольтера (1771) и книги «Тысяча и один день, персидские сказки» (1778—1779) Пети де ла Круа. Попов также переводит «Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли» (1774 и 1776), «Выписки о чревоушителях» Ла Шапеля (1776; 2-е изд. 1787) и «Рассуждение

о благоденствии общенародном» Л. Муратори (1780).

В конце 1770-х гг. Попов возвращается к театральным переводам и готовит для Придворного театра переводы ряда пьес, многие из которых остались в рукописи. Он переводит комедии «Лжеученый» Ж. Дювора, «Побежденное предрасуждение» П. Мариво и др. «Севильский цирюльник» П.-О.-К. Бомарше в переводе Попова был поставлен в январе 1782 г. в Петербурге и в мае того же года в Москве.

О последнем периоде жизни Попова известно мало. В 1776 г. он имел чин губернского секретаря и в 1780 г. продолжал служить в Комиссии. Уже после смерти Попова была издана книга «Российская Эрата или Выбор наилучших новейших российских песен по ныне сочиненных, любовных, нежных, городских, пастушьих, любовных на старинный русский вкус, простонародных, святошных, свадебных, караводных, маскерадных, малороссийских, сатирических, столовых, военных, театральных и нравоучительных. Собранные и частию сочиненные покойным Михайлом Поповым, и с его предисловием» (1792), материалы для которой Попов собирал всю жизнь, стремясь сделать песенник образцовым.

С посмертной оценкой творчества Попова выступил в «Пантеоне российских авторов» (1802) Н. М. Карамзин, который подверг решительной критике

его опыты истолкования мифологии. Вместе с тем, писал Карамзин, песни Попова «были несколько раз особливо напечатаны: следственно, они нравились публике; многие из них замысловаты и нежны... Вообще стихи г. Попова не *пусты мыслями*; в них есть и счастливые выражения, хотя слог не всегда чист и приятен ... Переводы г. Попова были в великом уважении: особливо Тассов «Освобожденный Иерусалим», о котором Екатерина Вторая упоминает с похвалою в одном из писем своих к Вольтеру».

Приложение II

Досуги, или Собрание Сочинений и Переводов г. Михайла Попова; 2 ч., печ. в 8 д.л. при Императорской Академии Наук в 1772 год; первая часть на 258, а вторая на 320 страницах.

Первая часть сих *Досугов* содержит в себе следующие Стихотворныя Сочинения: 1.) Вступление, служащее вместо предисловия ко всей книге. 2.) Похвальные Стихи ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ, ЕКАТЕРИНЕ АЛЕКСИЕВНЕ II. 3.) Торжественное Песнопение, на благополучное ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА, Государя Цесаревича и Великаго Князя ПАВЛА ПЕТРОВИЧА, выздоровление. 4.) Надпись на книгу К. *Андрея Яковлевича Хилкова*, называемую *Ядро Российския Истории*. 5.) Стихи для Госпож, петье в первом Концерте 1772 года, от имени П***. 6.) Надгробие *Федору Григорьевичу Волкову*, и другое Н***. 7.) Сонет, в коем жалуется Сочинитель, что человеческие пороки сей мир, созданный для нас Творцем Едемским Садам, претворили в ад. 8.) Мадригал добродетельному Господину. 9.) Епиграммы, числом 30, на разные случаи. 10.) Два Надгробия. 11.) Три Загадки. 12.) Две Притчи, из коих одна названа *Два вора*, а другая *Соловей*. 13.) Басни: первая *Пень*, вторая *Ерот Победитель*, переведенная из книги *Цветов, Данила Каспера Логенстейна*, стариннаго

Немецкаго Стихотворца, и третия Ир. 14.) Приписан-
ние *Песен* и *Элегий* Прекрасному Полу; *Песни*,
числом 21, из коих последния две сочинены старин-
ным *Российским* вкусом; *Хор* и *Песенки*, сочинен-
ные для комедии г. Ч.*** *Как хочешь назови*; три
Елегии, из коих первая на разлуку, вторая на невер-
ность, и третья на препятствие любви. 15.) *Анюта*,
Комическая Опера, в одном действии; писанная
свободными разномерными стихами; представлен-
ная в первый раз в *Сарском селе* Придворными
Певчими Августа 26 дня, 1772 года. За сими следуют
прозаическия творения: 16.) *Отгадай и <ли> не*
скажу, Комедия в одном действии. 17.) *Краткое*
описание Древняго Славенскаго языческаго
Баснословия, собраннаго из разных Писателей,
снабденнаго примечаниями, и в азбучный порядок
приведеннаго. 18.) Из Дидактическаго Поемы на
Феатральное возглашение, г. *Дората*, первая две
песни.

Вторая часть *Досугов* содержит: 1.) *Предуведом-*
ление, в котором г. Попов изъясняется, что
следующия в сей Части Комедии переделывал он
во многих местах, принаравливаяся к *Российским*
обычаям, однакож не отдаляясь ни от содержания
ниже от мыслей Сочинителей их; Комедию же *Бур-*
лина почти совершенно переделал. 2.) *Немой*,
Комедия в 5 действиях Аббата Брюэя в
сообществе с г. Палапратом; переведена с Фран-
цузскаго; представлена в первый раз на
Придворном Российском Феатре 1766 года, *Ноября*
2 дня, в С.п.б. 3.) *Бурлин слуга, отец и тесть*,
Комедия в 3 действиях; переведена с Немецкаго

подражательно. 4.) Притворный Комедиянт, Комедия в 1 действии, г. Ноассона, переведена с Французскаго; представлена в первый раз на Придворном Российском Феатре 1769 года, Сентября 18 дня, в С. п. б.

Прежде всего мы обязаны уведомить Читателей наших о том, что ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, Благотворительная Монархиня наша, оказала щедроты Свои г. *Попову*, повелев напечатать Сочинения его и Переводы на счет Своего Кабинета, и все издание обеих Частей, из 1200 книг состоящее, всемиловитейше ему соизволила пожаловать. Г. Читатели, в продолжении трудов наших, часто будут находить подобныя сим уведомления, и *Ученая Российская История* ни о чем так часто упоминать не может, как о щедротах Благотельствующия МОНАРХИНИ нашей.

Возвестя о сем, приступим мы к объявлению нашего мнения о Сочинениях и Переводах г. *Попова*. Все мелкия его Стихотворения писаны с точным наблюдением строгих правил Стихотворства и Грамматики, изобилуют приятностию и чистотою слога; а наипаче *Песни* его достойны похвалы, и равняются с лучшими на *Российском* языке писанными Песнями. Оне имеют счастье быть помещенными в его Досугах уже третьим изданием: первыя же два напечатаны были особо, одно состоящее из 13 песен, в 8 д.л. в 1765, а другое из 16, в 12 д.л. в 1768 годе, в С. п. б. Что же касается до Комическия его Оперы *Анюты*, то сверх изряднаго ее расположения и приятности слога, принадлежит ей честь первенства в сем роде Стихотворений на нашем

языке. Справедливость побуждает однакож нас сказать, что Ироиня его пиесы *Анюта* во всей Опере разговаривает и мыслит благороднее, и больше приятнее, и правильным наречием, нежели сколько могло позволить ея крестьянское воспитание; также, кажется нам, что и крестьяне в сей Опере разговаривают хотя и справедливым своим наречием, в отдаленных Провинциях употребляемым, но для Оперы сие наречие кажется нам несколько дико. Стихотворцы, хотя и обязаны в таких случаях Подражать Натуре, но им оставлена вольность избирать лучшую: а Российские крестьяне не все одинаким наречием говорят. Есть Провинции, в коих употребляют такое наречие, которое ни в какой Феатральной пиесе не будет противным нежному слуху Зрителей. Впрочем обе сии погрешности, от неосторожности или от обстоятельств происшедшия, легко могут быть извинены, и почитаться маловажными в сравнении изрядства всея пиесы. Комическая сия опера, представлена была и в *Цареграде*, в доме Его Сиятельства, Князя *Николая Васильевича Репнина*, в бытность его Чрезвычайным и Полномочным Послом.

Отгадай или Не скажу Комедия есть изряднаго расположения, характеры действующих лиц выдержаны порядочно, узел Комедии завязан изрядно, да и развязан также; наречие ея для феатральных пиесы хорошо, приятно и пристойно; а вообще Комедия сия приносит похвалу г. Сочинителю ея. *Описание Славянскаго языческаго баснословия*, есть пиеса заслуживающая похвалу. Г. Сочинитель онаго собрал из разных Писателей, и

оставшихся от глубокия древности *песен* и *игр* все, что ни касается до сея материи; но мы бы желали, что бы для большаго еще изрядства сия пиесы, присовокуплены были к ней самыя *песни* и *описания игр* оставшихся от языческаго суеверия, дабы Читатели не могли иметь сомнения на догадки Сочинителейы в тех местах, где употреблены оныя, и могли бы делать свои заключения. Слог сия пиесы изрядный и чистый; а особливо Предупеждение писано избранным и приятным слогом. Сие *Описание баснословия* помещено здесь уже вторым изданием, а первым печ. было в 12 д.л., в 1768 годе, на 62 стр., в типографии Сухопутнаго Шляхетскаго Кадетскаго Корпуса. Отдавая справедливость трудам г. *Попова*, мы должны сказать, что все его Сочинения и Переводы украшены строгим наблюдением правил и тонкостей грамматических; и сие тщание заслуживает великую похвалу. Мы не можем не пожелать, что бы господа молодые наши Писатели и Переводчики, подражая сему примеру, по больше старались о наблюдении свойств языка и правил *Российския* Грамматики.

Л.

Источники

Текст книги М. И. Попова «Описание древнего славянского языческого баснословия» печатается по изданию 1768 г. с исправлением наиболее очевидных типографских опечаток.

Рецензия на «Досуги» М. И. Попова публикуется по изд. *Санктпетербургские ученые ведомости*, № 8 от 24 февраля 1777 г. и № 9 от 3 марта 1777 г.

Иллюстрации в книге представляют собой гравюры из первого издания «Славянской и российской мифологии» А. С. Кайсарова (Kaуssarow Andrey von. *Versuch einer slavischer Mythologie in alphabetischer Ordnung*. Gottingen, 1804).

Оглавление

Предуведомление	6
Описание древняго славенскаго языческаго баснословия	13
<i>N.N.</i> Михаил Попов и сотворение древнеславянской мифологии	48
Биографическая справка	66
<i>Л.</i> Досуги, или Собрание Сочинений и Переводов г. Михайла Попова	71
Источники	76

Книги издательства Salamandra P.V.V.

Джозайя Флинт. Хобо в России. 108 с., илл.

Воспоминания американского писателя-бродяги Джозайи Флинта о путешествиях в Россию, Льве Толстом и жизни в Ясной Поляне, странствиях с русскими бродягами, столичной полицией и генерале Куропаткине. Первый перевод на русский язык.

А. Я. Гуревич. Москва в начале XX века: Заметки современника. 212 с., илл.

Написанные на склоне лет воспоминания А. Я. Гуревича, участника советской космической программы, живо рисуют облик навсегда ушедшей Москвы. Память автора сохранила драгоценные детали и приметы быта Москвы начала XX века.

Борис Херсонский. Новый Естествослов. 154 с., илл.

Новая книга известного поэта, автора более десяти поэтических сборников, содержит вариации на тему Естествослова-Бестиария и представляет собою поэтические переложения средневековых текстов.

Райские цветы, помещенные в семи цветниках. 80 с. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. I).

Первая книга новой серии «Gemma Magica. Материалы и исследования по истории магии и оккультизма» знакомит читателя с редкостным масонским изданием – переводом мистического шедевра XVII в. «Херувимский странник».

История доктора Джона Фаустуса. 40 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. II).

Впервые на русском языке – перевод народной книжки о знаменитом чародее и некроманте докторе Джоне Фаустусе, изданной в Англии в 1787 году.

Роман Шмараков. Под буковым кровом. 208 с., илл.

В этой книге доктор филологических наук и прекрасный переводчик античной поэзии Роман Шмараков представляет свои прозаические опыты – семь изысканных и стилистически безупречных новелл, действие которых переносит читателя из

древней Греции в Германию XVIII века, Италию времен Ренессанса и Россию «дворянских гнезд» века девятнадцатого.

Крата Репоа. 100 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. III).

Первое за почти 100 лет полное переиздание знаменитого трактата «Крата Репоа» - таинственной книги, которая оказала глубокое влияние на судьбы европейского и русского масонства XVIII-XIX веков и стала «фундаментальным документом» европейской эзотерики в целом.

М. И. Попов. Описание древняго славенскаго языческаго баснословия, собраннаго из разных писателей, и снабденнаго примечаниями. 80 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. IV).

«Описание древняго славенскаго языческаго баснословия» (1768) одаренного писателя, поэта и переводчика М. И. Попова стало одним из первых сочинений, ре/конструировавших мифологический пантеон, демонологию и народную магию древних славян. С XVIII в. этот важный источник оставался труднодоступен для широкого читателя.